

С Л О В О

предъ отпѣваніемъ Протоіерея Александра Васильевича Мартынова.

Неожиданное событіе созвало, братіе, въ этотъ всечестный храмъ многолюдное собраніе лицъ разныхъ классовъ общества, занятій и убѣжденій: разность большая, но объединяющей всѣхъ мотивъ одинъ, одно и настроеніе.

Непреодолимое внушеніе совѣсти воздать послѣдній долгъ почившему—вотъ мотивъ, всѣхъ насъ объединяющей, всѣхъ насъ роднящей. Гнетущее чувство скорби и унынія, навѣваемое *непредвидѣнною катастрофою безвременно постигнушею* одного—вотъ наше общее настроеніе.

Такъ дорога, такъ симпатична, такъ связующа и такъ обязующа личность почившаго!

Мы оставили свои обычные занятія, свои заботы и поспѣшили сюда быть можетъ съ большимъ усердіемъ, чѣмъ поспѣшили бы на дѣло, лично намъ полезное; мы оставили все свое, чтобы придти сюда и сказать: прости и прощай нашъ добрый пастырь, прости учитель, отецъ, другъ, братъ, прости добрый человѣкъ!.....

Но въ моментахъ подобной общей скорби есть, однакоже, и нѣчто высокое и священное, что заставляетъ сдерживать естественные порывы къ безотраднымъ слезамъ и безнадежному унынію.

Человѣкъ, стязавшій единодушную скорбь другихъ при кончинѣ своей какъ то неизбежно вырастаетъ надъ общимъ для всего живущаго жребіемъ смерти и тлѣнія, и вырастаетъ въ представленіи нашемъ даже съ большею живостію, чѣмъ—при жизни.

Да, именно теперь, когда прекратилась возможность бесѣдовать съ усопшимъ, съ какою опредѣленностью выступаетъ живой образъ его и какъ желательно представить весь жизненный путь, имъ пройденный!

Съ какою ясностью возстаетъ предъ мною образъ его въ моментъ первой нашей встрѣчи на жизненномъ пути! Вотъ прекрасный и симпатичный юноша. Глядя на него нельзя думать, что это — уроженецъ бѣднаго селенія сѣвернаго

края, рано лишившіяся ласкъ своей матери, сиротою прошедшей суровыя нищеную и среднюю школы воспитанія. Отмѣченный выдающимся дарованіями, какъ Божіею искрою, онъ легко могъ сдѣлаться, подѣ давлениемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, черствымъ человѣкомъ, все подчиняющимъ своему эгоизму. Но не такимъ знали его сверстники-студенты Академіи: это—ласковый, общительный, добродушнѣйшій товарищъ. Въ такихъ же чертахъ выступаетъ онъ и на своемъ служебномъ поприщѣ въ Духовной Академіи: это—ревностный профессоръ, стойкій въ убѣжденіяхъ, строгій къ самому себѣ, но добрый, ласковый, гуманный со всѣми, какъ бы ни различались они своими убѣжденіями, своимъ настроеніемъ; и эти свойства внушали къ нему искреннее уваженіе и любовь. Что же парализовало въ немъ суровость сиротства и школы воспитанія?—Его глубокая религіозность. Это былъ усерднѣйшій читатель Преподобнаго Сергія и обитель Его доселѣ помнитъ Александра Васильевича. Въ этой религіозности—источникъ его любви, гуманности, терпимости, состраданія ко всякому бѣдствію ближняго; здѣсь и объясненіе того знамени, съ которымъ до послѣдней минуты жизни онъ проходилъ свой дальнѣйшій путь служенія долгу. И благословилъ его Богъ: состоя на службѣ въ Академіи Александръ Васильевичъ породнился съ прекраснѣйшею семьею и потекла его счастливая семейная жизнь, которой не должно бы такъ скоро прекращаться..... Воспитанникъ Академіи, ею увѣнчанный ученою богословскою степенью, онъ никогда потомъ не прерывалъ общенія съ нею и до послѣднихъ минутъ жизни несъ знамя вѣры и знанія, которое она ему вручила, отпуская на иное поприще общественной церковной службы.

Не широко и гладкимъ путемъ шло его служеніе долгу, но тѣснымъ и трудовымъ. Въ кабинета и семейнаго очага его можно было видѣть только на служебномъ посту: вотъ и вся ширь его жизненнаго пути. И всегда онъ былъ занятъ и всегда ему было „некогда.“ На дружескій совѣтъ: „по легче, по легче относитесь, отдохните А. В.—чѣ“, приходилось слышать одно: „нельзя, нужно, я обязанъ!“.....

Такіе люди всегда составляютъ меньшинство, съ ними живетъ хорошо всѣмъ прочимъ, но тѣмъ чувствительнѣе ихъ утрата. Оттого-то въ моментъ кончины они и вырастаютъ въ

сознаніи современниковъ навсегда опредѣленно очерченными типами.

Смерть—неизбѣжный удѣлъ каждаго живаго существа, не исключая и человѣка, какъ жителя земли. И нѣтъ никакого основанія человѣку роптать на то, что конецъ его земного бытія—смерть. Но глубоко различна смерть, постигающая людей. Одинъ умираетъ героемъ на своемъ посту и его смерть вызываетъ слезы дорогой утраты—и благоговѣнія къ умершему; другой умираетъ позорно, вызывая скорбь за человеческое достоинство.

Нашъ почившій добрый пастырь сраженъ смертью, не успѣвшею выхватить у него знамени всей его жизнѣдѣтельности. Какое это знамя?—Знамя вѣры и знанія.

Съ какимъ глубокимъ уваженіемъ, съ какою любовію почившій Богословъ относился и къ естествознанію и классицизму, современному порыву къ знанію и культурѣ—это я не могу только, но и обязанъ засвидѣтельствовать. Съ какимъ глубокимъ уваженіемъ, любовію и признательностію въ бесѣдахъ со мною онъ отзывался о Васѣ, высокочтимые представители естествознанія! Какъ горѣла душа его стремленіемъ внести свѣтъ и теплоту вѣры Христовой въ Ваши ученые труды и занятія! Какою глубокою печалью снѣдалось его сердце враждою, которую власть тьмы всегда стремилась и стремится внести между свѣтомъ вѣры и знанія, между жизненностью и теплотою христіанской любви къ Богу и ближнему и симпатичностью естественнаго гуманизма и альтруизма! Съ такимъ же глубокимъ уваженіемъ и любовію онъ относился и къ Вамъ, высокочтимые представители классицизма, будучи самъ воспитанникомъ классицизма христіанскаго.

Это уваженіе къ Вамъ какъ вѣрнымъ и строгимъ служителямъ долга внушала ему его религіозность и любовь къ знанію. Развѣ вѣра—врагъ знанія? О нѣтъ и нѣтъ! Вѣра озаряетъ и вдохновляетъ, вѣра укрѣпляетъ энергію труда, помогаетъ побѣждать препятствія въ равной мѣрѣ и натуралисту, и филологу и богослову. Это—только раздѣлъ и виды дарованій Единаго Божія Духа, Зиждителя, Приснотекущаго Источника божественнаго свѣта.

Здѣсь, безъ сомнѣнія, причина того уваженія, которое стяжалъ себѣ почившій въ кругу лицъ разныхъ воззрѣній

убѣжденіи, направленіи. Такіе люди, люди—долга связуютъ отдѣльныхъ лицъ въ нравственное общеніе, создаютъ сферу благодарнаго воспоминанія, остающуюся долго по смерти ихъ. Они заносятся съ лѣтописи учрежденій, которымъ служили, и имена ихъ живутъ вмѣстѣ съ ними, составляя ихъ духовное богатство и украшеніе и ихъ тѣлесная смерть есть начало ихъ исторической жизни.

Но не надежна, не прочна ты, людская память! Какъ нерѣдко встрѣтитъ явленія такого рода, что одно поколеніе людей ставитъ своимъ любимцамъ и героямъ памятники и колонны, а послѣдующее—ихъ разрушаетъ. Да и что отраднаго въ этихъ земныхъ сооруженіяхъ самому усоншему и близкимъ сердцу его? Смерть отняла у него средство грубо чувственнаго общенія съ нами и міромъ явленій. Эти сооруженія эти закрѣпленія памяти людей долга нужны современникамъ и дальнѣйшимъ поколеніямъ, дабы вызывать въ нихъ подражаніе: ибо люди долга—*соль земли*, по выраженію Слова Божія, двигатели преуспѣянія жизни и ея прогресса, безъ которыхъ или при замѣтномъ умаленіи которыхъ начинается шатаніе, броженіе, борьба личныхъ интересовъ, бесплодіе и вырожденіе.

Но смерть не въ силахъ лишитъ христіанина и тѣмъ болѣе служителя Христа безсмертнаго духа, созерцающаго красоту божественнаго мірозданія безъ тѣхъ чувственно материалистическихъ посредствъ чрезъ которыя принужденъ созерцать чудеса божественнаго творчества самый утонченный гений ученаго—обитателя планеты. По ученію Святой Церкви смерть христіанина есть великое таинство—переходъ изъ переходящаго, всегда перемѣнчиваго міра явленій въ *новое небо и новую землю*, перемѣна обветшалои, истерзанной трудами и болѣзнями плоти, какъ ветхой храмины, на новую оболочку—храмину вѣчную, небесную.

И вотъ тамъ, гдѣ земное, опытное знаніе, при видѣ гроба отказывается что либо сказать о дальнѣйшей судьбѣ духа, сбросившаго ветхую свою оболочку, теряясь и смущаясь своею беспомощностью, вѣра съ непоколебимою твердостью говоритъ: *не умре, но спитъ*—и вмѣсто безутѣшныхъ слезъ и молчаливаго унынія приглашаетъ къ тихой и пламенной молитвѣ: Боже Праведный и Милостивый! Очисти душу усоншаго: прости грѣхи его вольные и невольные и прими

его Твоего вѣрнаго знаменоносца въ Твои селенія небесныя! Эта молитва вселяетъ благодатное упованіе, что умершіи плотію не прекратятъ своего духовнаго общенія съ оставшимися близкими сердцу его, не зримо для нихъ будетъ наставлять ихъ, ходатайствовать за нихъ, благословляя ихъ небеснымъ благословеніемъ и молясь Единому, всѣхъ и вся Животворящему Богу, Ему же слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Н. Заозерскій.
